

Сотрудничество в сфере высшего образования между Россией и США: от технического содействия к поиску новой модели

Андрей Картунов

Август 2008

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2008

IFRI

27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles

RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Эта коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках коллекции по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски:

– Керри Лонгхарст, «Дифференциация европейской политики соседства и ее последствия для Украины», *Russie.Nei.Visions*, №32, июль 2008;

– Адриан Деллекер, «Каспийский трубопроводный консорциум, барометр инвестиционного климата в России?», *Russie.Nei.Visions*, №31, июнь 2008;

– Кароль Сигман, «Новый государственный менеджмент в российском высшем образовании», *Russie.Nei.Visions*, №30, апрель 2008.

Об авторе

Андрей Картунов, историк-международник, специалист в области российско-американских отношений, является президентом ИНО-Центра (Информация. Наука. Образование) и Фонда «Новая Евразия». С 1982 по 1995, он работал в Институте США и Канады (в 1994-1995 гг. – заместителем директора). Преподавал сравнительную политологию в США в Университете Майами (1990), «Льюс и Кларк» колледже в Портленде (1992), Калифорнийском университете в Беркли (1993). Был создателем и первым президентом Московского общественного научного фонда (МОНФ), который оказывает содействие инновационным процессам в сфере развития гуманитарного и общественно-политического знания. С 1998 по 2003 год, одновременно с руководством МОНФ, был исполнительным директором мегапроекта «Развитие образования в России» Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ	4
МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО – ЗАЛОЖНИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	5
МОДЕЛЬ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ЕЁ НЕДОСТАТКИ	9
ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ АМЕРИКАНСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ	9
НАКАПЛИВАНИЕ ПРОБЛЕМ.....	11
ИНАДАПТАЦИЯ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ В РОССИИ.....	13
СТРАТЕГИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ НА РОССИЙСКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЫНОК	15
РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ	19
СТРАТЕГИЯ НАСТУПЛЕНИЯ.....	20
ЭКСПОРТ СПЕЦИАЛИСТОВ.....	20
ПРЕОДОЛЕНИЕ АСИММЕТРИИ МОБИЛЬНОСТИ.....	22
СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	23
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	24

Краткое содержание статьи

В статье подводятся итоги развития российско-американского сотрудничества в сфере высшего образования после окончания холодной войны, выявляются основные проблемы этого сотрудничества и делается вывод о необходимости перехода от технической помощи к новым моделям взаимодействия между Россией и США. Формулируются практические рекомендации, призванные повысить эффективность включения российских университетов в мировое образовательное пространство.

Межуниверситетское сотрудничество – залогник политических отношений

Россия и Соединённые Штаты Америки (США) являются двумя государствами, обладающими мощным научным и образовательным потенциалом. Каждая страна развивала этот потенциал в соответствии со своими традициями, культурными особенностями, спецификой исторического пути. Во многих сферах образования и науки Россия и США дополняют друг друга.

Однако имеющийся опыт развития российско-американских (а ранее советско-американских) отношений показывает, что сотрудничество в сфере образования в значительной степени определяется общим политическим фоном, который может как стимулировать, так и тормозить это сотрудничество. Образовательное сотрудничество могло бы стать важным амортизатором политических проблем, возникающих между двумя странами, но его нынешние масштабы слишком незначительны для того, чтобы воздействовать на решения политического характера.

После окончания холодной войны можно выделить два периода в развитии образовательного сотрудничества между Россией и Соединёнными Штатами. Первый из них охватывает десятилетие 1992–2002, второй начинается в 2003–2004 годах и продолжается по настоящее время¹. К концу первого, благоприятного, периода (2001–2003) политические отношения между Россией и Соединёнными Штатами рассматривались в контексте стратегического партнёрства. Обе стороны развивали конструктивное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, в решении вопросов нераспространения оружия массового поражения, энергетической безопасности. Не исключалась и перспектива сближения России и США в подходе к фундаментальным идейно-политическим ценностям и возможность интегрирования России в атлантические структуры, пусть и в отдалённом будущем. Даже сохранение взаимной

---

¹ Начало второго этапа по-разному датируется различными исследователями. Одни считают переломным моментом «дело ЮКОСА» (осень 2003 г.), другие полагают, что сбой в российско-американских отношениях произошёл после повторных выборов Президента В.В. Путина (март 2004 г.), третьи склоняются к тому, что переломным моментом была «оранжевая революция» на Украине (осень-зима 2004 г.). В любом случае можно говорить о периоде 2003–2004 гг. как о времени, когда один вектор в российско-американских отношениях сменился на другой.

настороженности не мешало стремлению российской политической элиты к западному образу жизни.

Этот общий благоприятный фон содействовал быстрому расширению российско-американского сотрудничества в сфере высшего образования. Оно активно развивалось в трёх форматах:

– по линии американских государственных программ технической помощи России (программы университетских партнёрств и индивидуальных академических обменов);

– по линии американских частных фондов, работавших в России и имевших значительные портфели образовательных проектов (Фонды Форда, Макартуров, Карнеги, Сороса и пр.);

– определённое развитие получили и коммерческие российско-американские проекты в сфере высшего образования (подготовка двусторонних платных программ, в первую очередь в сфере бизнес-образования, английского языка и прикладной экономики).

Точных оценок объёмов американских инвестиций в российское высшее образование, а также единой методики их исчисления не существует. Тем не менее, данные по отдельным фондам и программам позволяют сделать некоторые оценки. Средние годовые бюджеты Института Сороса «Открытое общество» по программам высшего образования в России в конце 90-х годов составляли 5–6 миллионов долларов, ежегодные бюджеты Фонда Форда, Макартуров и Корпорации Карнеги – по 3–4 миллиона долларов каждый, не считая ресурсов, выделяемых на сотрудничество с Россией на территории США. Общие объёмы поддержки российского высшего образования со стороны американских частных фондов в начале текущего десятилетия составили примерно 25–30 миллионов долларов в год. Сравнимые суммы предоставлялись и разнообразными структурами федерального правительства США.

Последние годы (второй срок президентства Путина в целом, но, особенно, 2006–2007 годы) стали периодом резкого и для многих неожиданного обрыва в целом позитивных тенденций в развитии российско-американского политического диалога. Существенные разногласия между Россией и США по вопросам политического развития стран СНГ, по перспективам обеспечения глобальной и региональной безопасности, по проблемам демократии и прав человека в самой России, заставили наблюдателей сделать вывод о наступлении в отношениях между Россией и США если не «холодной войны», то «холодного мира». За первыми сложностями последовали принципиальные расхождения в оценке глобальной роли Соединённых Штатов в современном мире, разногласия по поводу расширения военной инфраструктуры НАТО в центре Европы, по вопросам независимости Косово, размещения компонентов американских систем ПРО на территории Польши и Чехии, несовпадения позиций по проблемам Ирана, ближневосточного урегулирования и т.п.

Ответственность за деградацию отношений лежит на политических элитах обеих стран. Российская политическая элита ещё не освоила искусство *soft power* и тяготеет к возвращению к прежним стереотипам державности и противостоянию Западу по широкому кругу вопросов. А американская элита пока не нашла адекватную форму реагирования на новые возможности и притязания России.

Что касается российского общества, то в своей массе оно не подвержено антизападным эмоциям и фобиям². Равным образом большинство опросов, проводящихся в Соединённых Штатах, не отмечают распространения антироссийских настроений за пределами узкого слоя политической элиты. Более того, в последние годы вновь отмечается общее повышение интереса к России со стороны научно-образовательного сообщества США, что находит своё отражение в увеличении числа студентов, избирающих «российскую» специализацию и, соответственно, числа курсов, связанных с российской проблематикой. Постепенно увеличивается и количество американских студентов, приезжающих на учёбу в Россию³. Таким образом, осложнение политических отношений между Москвой и Вашингтоном пока не оказало разрушительного воздействия на перспективы сотрудничества двух стран в сферах образования и науки (о чём свидетельствует подписание в мае 2006 года двустороннего меморандума о сотрудничестве между Министерством образования и науки РФ и Департаментом образования США⁴, а также запуск осенью 2007 г. российско-американской программы университетских партнёрств⁵), хотя опасность такого воздействия сохраняется.

В этих условиях особенно важно найти такие формы сотрудничества, которые в полной мере отвечали бы потребностям обеих сторон и были бы устойчивы по отношению к колебаниям политической конъюнктуры. Очевидно, что старые модели сотрудничества, сложившиеся в 90-е годы прошлого века, не отражают существенно изменившегося соотношения сил, равно как и новых задач, стоящих перед российской и американской высшей

---

² По данным ВЦИОМ (опрос от 2 апреля 2008 г., <wciom.ru/arkhiv/tematicheski-arkhiv/item/single/9919.html>), чаще всего россияне считают, что у России отношения с США нормальные, спокойные (36%) или прохладные (26%). Реже отношения двух стран воспринимаются как хорошие, добрососедские (7%) или как напряжённые (12%). Ещё более редки «крайние» оценки: дружественные отношения (4%) или враждебные (3%). В целом позитивные отзывы звучат несколько чаще негативных (47:41). С 2004 г. мнения россиян об отношениях России и США практически не изменились (было 48:41). Отношение к американскому обществу как таковому в целом более позитивно, чем оценки текущей внешней политики США. Так, по данным «Левада-Центра» (опрос от 7 июня 2007 г., <www.levada.ru/press/2007060701.html>) 76% респондентов убеждены, что Соединённые Штаты злоупотребляют ролью «мирового полицейского» (при этом такой же процент самих американцев придерживается аналогичных взглядов на внешнюю политику США).

³ Если к началу 2000 года в Россию ежегодно приезжали на учёбу около тысячи американских студентов, то сегодня их число удвоилось.

<opendoors.iienetwork.org/file_depot/0-10000000/0-10000/3390/folder/66745/Russia+2007.doc>.

⁴ См.: <www.ed.gov/news/pressreleases/2006/05/05312006.html>.

⁵ См.: <www.ed.gov/news/pressreleases/2007/10/10222007.html>.

школой. Они лишь тормозят развитие российско-американского сотрудничества в сфере высшего образования (а также науки).

Модель технической помощи и её недостатки

Программы американской технической помощи высшему образованию России, реализуемые по линии как государственных организаций, так и частных благотворительных фондов, работают в стране с начала 90-х годов⁶. В это же время в России были открыты представительства многих американских организаций, выделяющих финансовые ресурсы и управляющих ими⁷. К концу прошлого десятилетия программы помощи достигли своих максимальных объёмов; в настоящее время наблюдается тенденция к стабилизации и последующему снижению уровней финансирования. Помимо этого, с американской стороны в настоящее время наблюдаются многочисленные попытки переосмыслить понятие «технической и гуманитарной помощи», найти новые формы и механизмы её планирования, распределения и оценки её эффективности.

Особенности модели американской технической помощи

Техническая помощь российскому высшему образованию со стороны Соединённых Штатов на протяжении прошлого десятилетия имела ряд характерных особенностей, отражавших специфику состояния российского общества и российской высшей школы того периода, а также особенности представлений американских доноров о возможностях и ограничениях, влияющих на программы помощи. Можно выделить несколько ключевых характеристик большинства программ США в России, которые и предопределили снижение их эффективности в дальнейшем:

---

⁶ Большинство этих программ были разработаны и запущены в 1991-1993 гг., а некоторые даже раньше. Первым западным фондом в СССР стал Фонд Сороса, который начал свою работу еще в 1987 г.

⁷ Миссия USAID, представительства фондов Форда и Макартуров, отделения International Research & Exchanges Board (IREX), National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER), Civilian Research & Development Foundation (CRDF) и других операторов программ американской помощи.

– во-первых, помощь носила по преимуществу *замещающий характер*, т.е. была призвана компенсировать недостаточность государственной поддержки образования и науки (наряду с культурой, здравоохранением и пр.). Этим объясняются масштабные целевые программы распространения учебников, создания интернет-центров, поддержка учёных, преподавателей, журналистов и пр.

– Во-вторых, программы были *достаточно однотипными* – сводящимися к стандартным грантовым конкурсам, тренингам, консультациям и распространению слабо адаптированного западного (преимущественно американского) опыта в различных целевых группах. В такие целевые группы попали, в первую очередь, наиболее «продвинутые» университеты Москвы и Санкт-Петербурга, отдельные категории молодых учёных и преподавателей, а также постепенно формировавшееся в России экспертно-аналитическое сообщество в сфере образовательной политики и профильные средства массовой информации. Большинство американских донорских организаций (в отличие от программ Евросоюза) практически не взаимодействовали с федеральными органами власти, курировавшими высшее образование. Предполагалось, что в начале-середине 90-х годов федеральная власть в значительной мере утратила контроль над процессами в российской высшей школе.

– В-третьих, очень часто акцент делался на *«демонстрационные» проекты*, т.е. финансировались структуры, проекты и организации, призванные стать модельными для последующего воспроизводства и распространения. Поскольку система государственных ВУЗов оказалась весьма инерционной и слабо подготовленной к содержательным и управленческим инновациям, многие американские программы поддержки российского образования оказались сфокусированными на создании и последующей поддержке небольшого числа негосударственных университетов, которые и должны были стать центрами разработки и последующего распространения новых образовательных технологий.

– В-четвертых, сформировавшийся рынок программ технической помощи российскому высшему образованию оказался *чётко сегментированным*, с разделением функциональных приоритетов между основными донорами и крайне слабым взаимодействием между ними. В частности, слабой оказалась координация деятельности между частными благотворительными фондами и государственными программами помощи образованию. Более того, оказалось весьма сложным добиться координации усилий и внутри собственно правительственных программ. Например, Государственный Департамент США настойчиво лоббировал программы обменов и индивидуальных стажировок, в то время как Департамент Образования пытался перенести акценты на институциональные партнёрства российских и американских университетов. Возникали проблемы параллелизма и дублирования программ, нерационального использования финансовых ресурсов и пр.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении 90-х годов, как и в последующий период, американские университеты практически не рассматривали российские ВУЗы как потенциальных участников глобальных сетевых университетских корпораций, которые стали возникать между образовательными учреждениями США, Евросоюза, Австралии, Канады и некоторых других стран. Потенциал российской высшей школы – как образовательный, так и научный – считался недостаточным для сотрудничества такого уровня. Кроме того, обращалось внимание на отсутствие прозрачности в управлении российскими ВУЗами, слабое распространение английского и других иностранных языков, избыточную бюрократию, устаревшую материально-техническую базу и пр. Таким образом, российские университеты рассматривались в Соединённых Штатах как *объекты воздействия*, но не как возможные *субъекты сотрудничества*. Поэтому в абсолютном большинстве случаев американские университеты использовали односторонние механизмы сотрудничества (валидацию⁸ или франчайзинг⁹), а программы совместных (двойных) дипломов разрабатывались с большим трудом¹⁰. Можно констатировать, что в этом плане американские университеты уже в 90-х годах стали отставать от европейских ВУЗов, многие из которых с самого начала ориентировались именно на совместные программы подготовки.

Накапливание проблем

Эта специфика российско-американского сотрудничества в сфере высшего образования предопределила накапливание нерешённых проблем:

– Связи российских университетов с американскими научными и образовательными центрами оказались крайне хаотичными и эклектичными; подбор партнёров часто определялся скорее личными контактами или исторически сложившимися «общеуниверситетскими»

---

⁸ Валидация (аккредитация) программ предполагает, что российский университет готовит программу, а его американский партнёр удостоверяет качество программы и предоставляет свой диплом.

⁹ При этой форме сотрудничества американский университет практически полностью контролирует структуру и содержание программы – учебный план, количество часов, профессорско-преподавательский состав, в то время как российский партнёр обеспечивает организацию процесса и, если возможно, соответствие образовательного продукта российскому государственному стандарту.

¹⁰ Программы создаются и утверждаются обоими партнёрами, студенты из одного университета-партнёра проходят часть обучения на базе другого партнёрского университета, срок обучения и сданные экзамены в университетах-партнёрах признаются полностью и автоматически, а преподаватели каждого университета также преподают и в другом университете, совместно разрабатывают учебные планы и создают совместные комиссии по зачислению и экзаменам.

связями, чем тематическими приоритетами или долгосрочной стратегией развития того или иного российского университета.

– В совместных проектах с американцами, как правило, участвовало очень небольшое количество руководителей и ведущей профессуры отдельных российских университетов. Международные проекты в целом оставались одним из наиболее «элитных» компонентов работы университетов, в частности, из-за дефицита экспертов, владеющих иностранными языками. Даже успешные международные проекты (связанные со стажировками, участием в конференциях и пр.) во многих случаях содействовали научному росту лишь отдельных учёных и преподавателей (непосредственных участников), но не воздействовали на университет в целом. Отсутствовали эффективные механизмы распространения полученных знаний и навыков даже в рамках одного университета, а тем более за его пределами.

– Часто международные проекты сводились к участию в зарубежных конференциях, произвольных индивидуальных командировках и поездках групп преподавателей университетов на длительный срок в один научный или образовательный центр. Отчёты о такой деятельности нередко носили формальный характер, а сами поездки не имели существенного проектного продолжения.

– Российские университеты оставались вне основных международных профессиональных сетей, не являлись членами соответствующих ассоциаций и объединений и крайне редко публиковали итоговые материалы российско-американских совместных проектов за рубежом.

– Развитие взаимодействия с Соединёнными Штатами в научной и образовательной сфере часто шло за счёт снижения международной активности российских ВУЗов на других направлениях (особенно очевидным на протяжении 90-х годов стало сворачивание традиционных образовательных и научных связей со странами СНГ и государствами Центральной Европы).

Несмотря на эти недостатки совместных российско-американских научных и образовательных программ 90-х годов прошлого века, они тем не менее в немалой степени содействовали расширению международных связей российских университетов, получению значительного опыта масштабных международных проектов, созданию системы устойчивых связей с ведущими «профильными» партнёрами на Западе. В некоторых предметных областях американские программы способствовали формированию и консолидации профессиональных сообществ, появлению – пусть и в самой эмбриональной форме – механизмов независимой общественной экспертизы научной и образовательной деятельности.

Инадаптация к новым условиям в России

В начале текущего десятилетия сложившаяся модель программ американской помощи российскому образованию начала давать всё более заметные сбои. Российское государство резко повысило свою активность в образовательной сфере, что существенным образом изменило ситуацию¹¹. Прежде всего, следует отметить значительное увеличение государственного финансирования высших учебных заведений на протяжении последних двух-трёх лет; при этом рост финансирования университетской науки шёл опережающими темпами¹². В настоящее время не только ведущие столичные, но и многие региональные университеты располагают значительными возможностями для ведения собственных научных исследований, издательских проектов, финансирования научных конференций, семинаров и пр. Вопрос о выживании российской университетской науки сменился вопросом об оптимизации форм управления наукой в университетах, повышении качества научных исследований и разработок, обеспечении интеграции науки и учебного процесса.

Кроме того, слабо адаптированный западный опыт всё чаще стал отторгаться потенциальными реципиентами (университетами, экспертами, руководителями региональных и муниципальных органов управления образованием), а накопленный опыт международного сотрудничества в сочетании с новыми финансовыми и инфраструктурными возможностями отныне позволяет им более требовательно относиться к подбору партнёров. На рынке международных научных и образовательных партнёрств усиливается конкуренция, и американские университеты далеко не всегда обладают достаточными конкурентными преимуществами по сравнению с ведущими ВУЗами Европы и Восточной Азии. К тому же политическая ангажированность некоторых американских фондов подорвала доверие к перспективам российско-американского сотрудничества в целом. Эти новые условия привели к маргинализации традиционных американских программ помощи.

Привычный формат проектов (стандартные гранты, тренинги, обмены и консультации) оказался *неадекватен* проблемам российского высшего образования нового десятилетия. Российские партнёры стали настаивать на реализации более сложных, индивидуализированных проектов, запрашивать весьма

---

¹¹ Позитивная динамика в бюджетном финансировании наметилась уже в 2003-2004 гг., но переломным моментом стало объявление Президентом Путиным в сентябре 2005 г. планов реализации четырёх масштабных национальных проектов (образование, сельское хозяйство, здравоохранение и жилищное строительство). В рамках национального проекта Образование только на стимулирование инновационных программ в вузах в 2006-2007 г. было выделено более 25 млрд. руб. См.: *Приоритетные национальные проекты: цифры, факты, документы*. М., 2007, стр. 73.

¹² И. Дежина, *Государственное регулирование науки в России*, М., 2008, стр. 49-71.

специфическую профессиональную экспертизу, а американские операторы, управляющие программами помощи, оказались плохо подготовленными к такому изменению потребностей со стороны российских партнёров.

Следует отметить, что и российская сторона не смогла в полной мере обеспечить оптимальные условия для функционирования иностранных (в том числе и американских) программ технической помощи на своей территории. Сохранялись проблемы налогового законодательства, таможенного режима, тарифного и нетарифного регулирования, валютного контроля, бухгалтерской отчетности и пр., которые создавали сложности для деятельности многих западных фондов в России. Российские партнёры американских фондов не всегда выполняли принятые на себя обязательства, нередко меняя правила игры в ходе реализации проектов.

Признавая несомненные успехи отдельных проектов международного образовательного и научного сотрудничества, приходится констатировать, что задача интеграции российского высшего образования и науки в мировое научно-образовательное пространство остаётся в целом нерешенной. Даже в случаях реального образовательного и научного сотрудничества, его содержание часто обнаруживает «неоколониальную» природу. Российские участники проекта занимаются главным образом производством интеллектуального «сырья» (социологические опросы, полевые исследования, сбор статистики), а также адаптацией западных учебных материалов к российской специфике (привлечение российского иллюстративного материала, обеспечение соответствия готовящихся курсов требованиям соответствующих государственных стандартов). В то же время их западные партнёры берут на себя обработку эмпирического материала и выведение конечного продукта на международный научный рынок.

Подобная асимметрия, вполне естественная в начале 90-х годов прошлого века, сегодня уже не может быть списана на трудности переходного периода. Складывается устойчивое разделение функций, которое воспроизводится снова и снова и закрепляет ущербный статус российских участников научно-образовательных проектов. Более того, многочисленные стажировки стали одним из наиболее явных каналов «утечки мозгов»: стажёры часто не возвращались в пославшие их институты, предпочитая научно-преподавательскую карьеру за границей или переход на работу в частный сектор. Такие проявления географической и профессиональной мобильности наиболее перспективных учёных и преподавателей не могли не повлиять на общее отношение к международному научно-образовательному сотрудничеству со стороны руководителей российских университетов и других участников образовательного сектора. Все эти моменты привели к тому, что уже в 2001-2003 годах стало очевидным, что старая модель исчерпала себя.

Стратегии проникновения американских университетов на российский образовательный рынок

Реакция на новую ситуацию со стороны американских доноров была достаточно неоднозначной. Некоторые из них (Фонд Сороса) резко свернули свою деятельность в России, оставив лишь долгосрочные программы институциональной поддержки небольшой группы негосударственных ВУЗов. Другие (Фонд Форда) попытались сменить содержательные приоритеты, фактически отказавшись от традиционных для себя проектов в сфере высшего образования и перенеся акценты в другие сферы. Ряд фондов (например, Фонд Макартуров) постарались сузить эти приоритеты с целью повышения эффективности или (Институт Мирового Банка) перенести акцент на усиление экспертных компонентов в своей работе. Пока рано говорить о каком-либо консенсусе в среде американских доноров относительно того, как дальше работать в России в сфере высшего образования. Многие зависит от позиции, которую займет российская сторона.

Федеральное правительство США активно поощряет развитие экспортного сектора американского образования, исходя из того, что «интернационализация» университетов может позволить повысить конкурентоспособность американской экономики за счет лучшей социально-психологической, экономической и культурной приспособленности выпускников американских ВУЗов к глобальному миру XXI века. Оно стремится использовать формальные и неформальные ресурсы иностранных выпускников американских ВУЗов для продвижения интересов США в тех или иных странах; содействовать улучшению имиджа американского государства и общества в мире (в этих целях особо финансируются программы по подготовке представителей профессиональных и политических элит других стран в американских университетах); привлекать в американскую систему высшего образования дополнительные финансовые ресурсы, а также использовать лучшие зарубежные практики¹³.

---

¹³ Совокупные ежегодные доходы США от подготовки иностранных студентов составляют, по оценкам экспертов, не менее 14 млрд. дол., что является пятой по значимости статьей экспорта; в Соединённых Штатах обучается более 500 тыс. иностранных студентов или около одной трети всех студентов, обучающихся за

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что по мере увеличения платежеспособного спроса на образовательные услуги на уровне международных стандартов, Россия станет объектом все более активной экспансии со стороны как государственных университетов США, имеющих длительные связи с российскими партнерами (Университет штата Нью-Йорк, Университет Мэриленда), так и со стороны коммерческих образовательных структур США (Университет Феникса, Национальный Американский Университет).

Можно также предположить, что в ближайшие годы американские университеты будут предпринимать дополнительные меры по привлечению российских абитуриентов на коммерческой основе. Имеются как минимум два обстоятельства, позволяющие ВУзам США рассчитывать на увеличение числа «коммерческих» студентов из России. Во-первых, продолжающееся снижение курса доллара по отношению к рублю и другим валютам впервые за долгое время делает образование (и проживание) в Соединённых Штатах относительно доступным для иностранцев. Во-вторых, в последние годы Конгрессом США были приняты несколько законодательных мер, призванных смягчить ограничения для иностранных студентов, преподавателей и ученых, введенные после террористических актов 11-го сентября 2001 г. В результате в 2006-2007 учебном году впервые за последние годы наметилась тенденция к увеличению числа иностранных студентов, поступающих в американские университеты¹⁴.

Несколько факторов могут облегчить проникновение американских университетов в Россию: вступление во Всемирную Торговую Организацию (ВТО), дальнейшее развитие новых информационных технологий, создающее дополнительные возможности для использования различных моделей дистанционного образования¹⁵. Происходящая в настоящее время перестройка системы российского образования в направлении двухуровневой подготовки студентов (бакалавр/магистр) облегчает проникновение американских университетов на российский образовательный рынок. Можно предположить, что часть способных и амбициозных бакалавров, обучающихся в российских ВУЗах, будут претендовать на места в американских магистратурах, не пройдя второй уровень в «своём» университете¹⁶. Такая практика будет затруднена лишь там, где

рубежом. См.: А. Арефьев, *Российские вузы на международном рынке образовательных услуг*, М., 2007, стр. 20; *Global Educational Digest 2006. Comparing Educational Statistics Around the World*, <www.UIS.UNESCO.org>.

¹⁴ Тенденция к снижению числа студентов-иностранцев наметилась уже в 2003-2004 учебном году: сокращение по сравнению с предыдущим годом составило примерно 14 тыс. человек, сократилось и число университетов и колледжей, принимающих на учебу иностранцев – с 2500 до 2300. См. *Opendoors. Report on International Educational Exchange*, 2003, p. 13; *Opendoors*, 2004, p. 3, 11.

¹⁵ Сегодня американские эксперты оценивают доступный для университетов США рынок дистанционного образования иностранцев в 1,6 миллионов человек с перспективой роста до 10-15 миллионов к 2025 г.

¹⁶ В случае, если число российских вузов, имеющих собственные магистратуры, будет резко ограничено, вынужденная образовательная мобильность неизбежно будет носить не только межрегиональный, но и международный характер.

сохранится обучение по непрерывным программам подготовки специалистов (медицина, архитектура, некоторые инженерные специальности).

По всей видимости, американские университеты в ближайшем будущем сохранят ставку на извлечение основных доходов из подготовки иностранцев-бакалавров¹⁷. В то же время на уровне магистратуры американские университеты финансируют около 40% стоимости обучения для иностранцев, причем этот показатель имеет тенденцию к повышению. Это связано с тем, что международная магистратура сегодня становится престижной «визитной карточкой» для университета, стремящегося к повышению своего рейтинга и статуса. Кроме того, магистратура всегда была важным источником преподавательских кадров (40-50% иностранцев, обучающихся в американских магистратурах, остаются в США, а значительная часть продолжает работу в «своём» университете).

Таким образом, «эксплуатация» российского образовательного рынка в данной сфере будет, скорее всего, состоять из двух взаимодополняющих стратегий. На уровне бакалавриата будет делаться ставка на привлечение платежеспособных студентов из России, а тематические акценты будут делаться на популярные в России направления (бизнес, менеджмент, экономика). На уровне магистратуры, напротив, предпочтение будет отдаваться наиболее талантливым российским абитуриентам, причем их будут стараться набирать преимущественно на те специальности, в которых в наибольшей степени будет нуждаться американская экономика (инженерные, компьютерные, математические). Часть выпускников магистратур продолжат свое образование в рамках профильных аспирантур, другие найдут работу в американских корпорациях или вернутся в Россию.

Что касается российского рынка послевузовского образования, особо перспективным направлением является ускоренная подготовка топ-менеджеров и менеджеров среднего уровня для российского бизнеса в форме очно-заочных курсов (ёмкость данного сегмента образовательного рынка России оценивается в 1,5-2,5 млрд. дол. в год). Можно прогнозировать формирование тактических и даже стратегических альянсов американских бизнес-школ с наиболее сильными и продвинутыми российскими корпоративными университетами, которые приобретают особую актуальность по мере выхода ведущих российских компаний на мировые рынки и приобретения ими активов в других странах, в том числе и в самих Соединённых Штатах. Данные альянсы, бесспорно, могут быть весьма продуктивными для их участников, но они объективно будут вытеснять российские государственные ВУЗы из наиболее доходного сектора дополнительных образовательных услуг, если только

---

¹⁷ Сегодня около 80% иностранных студентов на ступени бакалавриата полностью оплачивают свою учёбу, а университеты и колледжи оказывают финансовую поддержку в объеме 8% от стоимости обучения (остальные средства приходят в виде федеральных или иных грантов).

государственные высшие учебные заведения не найдут возможностей встраиваться в такие союзы, превращая их в частно-государственные партнёрства.

Можно ожидать, что помимо собственно франчайзинга, некоторые американские университеты будут создавать свои филиальные сети на территории России, а местные университеты будут рассматриваться ими в качестве тактических, а не стратегических партнёров для проникновения в наиболее перспективные регионы России. Таким образом, взаимодействие российских и американских высших учебных заведений на территории России (а частично и на территориях других государств СНГ) будет включать в себя элементы как сотрудничества, так и конкуренции. Столь же противоречивым может оказаться российско-американское взаимодействие в освоении рынков третьих стран (Китая и Юго-Восточной Азии).

Перспективы разработки и эксплуатации российского образовательного рынка будут зависеть и от целого ряда внешних факторов: состояния политических отношений между Россией и США, динамики Болонского процесса в Европе и степени включённости в него российских университетов, конкретных условий вступления России в ВТО¹⁸. Они также будут зависеть и от внутренних факторов, таких как темпы роста и структурные особенности развития российской экономики, в частности, динамики развития российского среднего класса, который является главным потребителем американских образовательных услуг, как в России, так и непосредственно в США.

---

¹⁸ История переговоров других кандидатов с ВТО показывает, что открытие образовательных рынков остается одним из самых сложных и болезненных вопросов. В настоящее время только 40 из 146 стран-членов ВТО подписали соглашение об открытии образовательных рынков и взаимном предоставлении образовательных услуг, причем в 30 из этих государств данный процесс носит ограничительный характер, касаясь обучения взрослых и подготовки технических кадров.

Рекомендации для российской стратегии

Насколько можно судить, приоритеты российской стороны и алгоритмы для перехода от технической помощи к двустороннему сотрудничеству на рыночной основе определены далеко не полностью. Одним из вариантов российской позиции на период 2008-2011 годов может стать *курс на сворачивание текущих американских программ технической помощи* в сфере высшего образования. Механизмами реализации подобного курса могут быть ужесточение административного и финансового регулирования деятельности американских фондов в России, контроля над содержательными аспектами их работы, а также работы их грантополучателей. Новое российское законодательство по регулированию деятельности некоммерческих организаций (НКО) уже оказало существенное воздействие на работу американских фондов, потребовав от них большей чёткости и определённости как в формировании программных приоритетов, так и в следовании этим приоритетам. Российско-американское сотрудничество в этой сфере при подобном развитии событий не будет полностью прекращено, но оно приобретёт несколько иные формы. В частности, можно говорить о вероятности сдвига тематики российско-американских партнёрств в направлении наиболее коммерчески перспективных дисциплин.

В целом, перевод российско-американского сотрудничества в сфере высшего образования на рыночные рельсы не приведёт к разрыву сложившихся институциональных связей и будет иметь некоторые позитивные результаты. В частности, можно предположить, что этот формат сотрудничества с американскими партнёрами поможет российским ВУЗам освоить рыночные подходы к образованию, повысить свою эффективность и нарастить конкурентоспособность до такого уровня, который позволит российскому образованию в перспективе активно выходить и на международные образовательные рынки. Равным образом, конкуренция с американскими производителями образовательных услуг далеко не во всех случаях заранее обречена на поражение. По целому ряду параметров отечественные ВУЗы на протяжении обозримого будущего сохраняют важные преимущества по сравнению с любыми внешними конкурентами. При соответствующей корректировке нынешнего формата взаимодействия, переход от технической помощи в образовании образца 90-х годов к двустороннему или многостороннему сотрудничеству на новой основе может оказаться успешным.

Стратегия наступления

С точки зрения долгосрочных российских интересов и с учётом изменения ситуации, о которой говорилось выше, *предпочтительной представляется не оборонительная, а наступательная стратегия* в отношении американских организаций, оказывающих техническую помощь российскому высшему образованию. Поскольку большинство ведущих американских доноров в настоящее время активно пересматривают свою стратегию в отношении России, перед российской стороной открывается реальная возможность перейти от старых моделей помощи к принципиально новой модели сотрудничества России и США (по образцу механизмов сотрудничества, существующих внутри Евросоюза или между США и Западной Европой). Переход к ней потребует скоординированных усилий органов федеральной власти (в первую очередь Министерства образования и науки и Министерства иностранных дел), совершенствования нормативно-правовой базы, целенаправленных действий со стороны ведущих столичных и региональных университетов, а также подключения профессионального экспертного сообщества.

Сегодня нет никаких причин для сохранения прежнего ущербного для России формата российско-американского сотрудничества, характерного для отношений Запада с наименее развитыми странами. Это обстоятельство понимают большинство российских партнёров, но существующая бюрократическая инерция и активный лоббизм со стороны операторов крупных программ не позволяют рассчитывать на то, что инициатива изменения формата сотрудничества будет исходить со стороны Соединённых Штатов. Переход к новой модели российско-американского взаимодействия в сфере высшего образования может быть начат в 2008 году ещё до смены администрации Дж. Буша в Вашингтоне и продолжен в 2009-2010 годах совместно со следующей администрацией. При этом, разумеется, новая модель должна опираться на те многочисленные двусторонние и многосторонние образовательные связи, которые наработаны в российско-американских отношениях за последние полтора десятилетия.

Экспорт специалистов

Стратегия наступления и опережающего прогнозирования должна затронуть и «утечку мозгов», представляющую хроническую проблему для России. Удержать лучших выпускников в России в условиях сохранения значительного разрыва в уровне жизни, научной инфраструктуры и в уровне оплаты труда между Россией и Западом

представляется малореальным¹⁹. Тем не менее, следует думать не об усилении протекционизма в подходе к формирующимся мировым рынкам образовательных услуг и человеческого капитала (такая позиция обречена на поражение), а о путях вхождения в эти рынки на максимально благоприятных для страны условиях. Задача состоит в постепенном переходе от «сырьевой специализации», то есть поставки на мировые рынки «первичного», штучного продукта – студента, аспиранта, профессора или исследователя – к более «углубленной специализации», которая предполагает перемещение в Россию всё большего количества звеньев образовательной технологической цепочки.

Первым шагом в этом направлении могло бы стать упорядочивание экспорта российского «интеллектуального сырья». Поиск работы на Западе и подготовка к этой работе остаются делом отдельных индивидуумов, а отнюдь не организаций (университетов) и тем более не государства (Министерства образования и науки). На смену хаотичному, спонтанному, слабо регулируемому потоку интеллектуальных ресурсов из России на Запад должна прийти осмысленная (как на уровне государства, так и на уровне отдельных университетов) стратегия экспорта интеллектуального ресурса²⁰. Российские университеты должны внедряться на западные рынки путём позиционирования себя как сервисных структур, сознательно и целенаправленно готовящих кадры для западных партнёров. Учитывая то обстоятельство, что именно сегодня интернационализация стала модной темой для крупных образовательных учреждений Соединённых Штатов и Западной Европы, следует предпринять решительные усилия для «инфильтрации» этих учреждений, насыщения их российскими кадрами.

При этом, западные партнёры получили бы возможность готовить эти кадры под свои потребности непосредственно в России, резко снизив издержки и повысив эффективность своей работы. Российские же партнёры могли бы выдвигать условия такого сотрудничества: финансовое, административное и академическое участие соответствующих партнёрских структур в подготовке «экспортного варианта» выпускников; постепенную «интернационализацию» российских университетов, превращение их в «образовательные франчайзинги» американских или европейских партнёров (подготовка на их базе студентов не только из России, но и из других стран); обязательства со стороны готовящихся «экспортных кадров» проводить фиксированное время (например, один семестр

---

¹⁹ По некоторым оценкам, за счёт «утечки мозгов» из России США удовлетворяют не менее четверти своих потребностей в кадрах для высокотехнологичных отраслей экономики. Цит. по *Финансовые Известия*, 26 ноября 2004.

²⁰ Большая часть российских специалистов, переселившихся в США на постоянное жительство, как правило, не находят работу в научной сфере, наиболее удачливые устраиваются в коммерческой. Однако около 50% российских учёных и инженеров, приехавших в США в порядке долговременного (более трёх месяцев) научного обмена, остаются здесь навсегда и работают обычно в научно-технических областях.

раз в три года) в «своём» российском университете для участия в преподавательском и научном процессе. Таким образом, «утечка мозгов» из России на Запад – процесс, который в любом случае будет развиваться, – мог бы быть направлен в русло, перспективное для России и для отдельных университетов, готовящих специалистов мирового класса.

По мере упорядочивания экспорта «интеллектуального сырья» появятся принципиально новые возможности для повышения степени обработки экспортируемого «сырья». Динамика мировых образовательных рынков сама подскажет наиболее подходящие для России решения. Но общая стратегия представляется достаточно очевидной – необходимо постепенно *перемещать в Россию всё более продвинутые стадии «производственного процесса» в образовании и науке* (готовя сначала экспортную модель бакалавра, затем – магистра, затем доктора, а в перспективе – собирая «под ключ» кафедры и лаборатории). Точно так же можно было бы постепенно двигаться от подготовки преимущественно отечественных специалистов к использованию «интеллектуального сырья» из стран СНГ, а в перспективе и из других регионов мира (включая подготовку американцев и европейцев). Расчёты показывают, что даже при повышении стоимости подготовки специалистов в российских ВУЗах в три–пять раз на протяжении ближайшего пятилетия, российское образование останется высокорентабельным сектором мирового образования.

Данная стратегия могла бы содействовать и решению важнейшей политической задачи – созданию новой социальной, культурной и интеллектуальной базы для развития отношений между Россией и Западом. Научно-образовательное сотрудничество, безусловно, облегчило бы и взаимодействие в сфере бизнеса. Масштабная «инфильтрация» в западную образовательную среду, непосредственный контакт российских кадров со студенческим и преподавательским сообществами Европы и Северной Америки – все это способствовало бы формированию принципиально новой основы для развития стабильных и взаимовыгодных отношений России с Западом.

Преодоление асимметрии мобильности

Крайне важной представляется задача преодоления или хотя бы частичного выравнивания существующей в настоящее время асимметрии академической мобильности между Россией и Соединёнными Штатами²¹. Неспособность или нежелание привлекать

---

²¹ США не являются сегодня главным зарубежным центром подготовки российских специалистов. В США учатся примерно 5,6 тыс. российских студентов по сравнению с 12 тыс. в Германии. А. Арефьев, *op. cit.* [13], стр. 43. Тем не менее число американцев,

значительное число американских студентов для учёбы в российских ВУЗах будет оставаться одним из наиболее существенных препятствий для развития двустороннего научно-образовательного сотрудничества²². Необходимы длительные и последовательные усилия для того, чтобы обеспечить осуществление части учебного процесса хотя бы в нескольких ВУЗах России на английском языке (как это делается, например, в Китае), гарантировать сопоставимость самого процесса обучения (учебных планов, содержания программ, технологий обучения и оценки знаний студента), а также условий обучения (качество оборудования, наличие информационных ресурсов) с американскими университетскими стандартами. Несомненно, большую роль должно сыграть и обеспечение необходимых бытовых условий для иностранных студентов в России.

Представляется назревшей необходимостью внесения соответствующих изменений в нормативно-правовые акты, регламентирующие пребывание иностранных граждан на территории Российской Федерации и получение ими права на трудовую и научную деятельность в период получения образования и по его окончании.

Сотрудничество в области университетского управления

Достаточно перспективным представляется российско-американское сотрудничество в области университетского управления. При всех различиях в нормативно-правовой базе, исторических традициях, материально-техническом положении российских и американских университетов, опыт высшей школы США безусловно представляет значительную ценность для России. Американские университеты являются признанными лидерами в сфере стратегического планирования, развития отношений с бизнесом, управления университетской собственностью и в некоторых других важных областях (университет как фактор регионального социально-экономического развития, совершенствование внутриуниверситетского управления, инновационные образовательные технологии).

обучающихся в российских вузах, в пять раз меньше (около 1000 человек) – *idem*, стр. 82.

²² Разумеется, следует учитывать, что в американской образовательной традиции отсутствует широкая практика зарубежного образования.

Заключение

Главная задача на обозримую перспективу должна состоять не в количественном увеличении числа российско-американских университетских партнёрств (эта цель может быть относительно легко достигнута за счёт поощрения наиболее простых форм сотрудничества – валидации и франчайзинга), а в изменении их характера в сторону полноценного двустороннего научно-образовательного сотрудничества.

Имеющийся задел в российско-американском взаимодействии создаёт объективные предпосылки для подключения имеющихся и потенциальных российско-американских партнёрств к решению двух фундаментальных проблем российской высшей школы:

- *совершенствование системы подготовки кадров высшей квалификации* (модернизация существующих ВУЗовских аспирантур и докторантур, обеспечение контроля за качеством подготавливаемых специалистов);
- *модернизация учебного процесса в высшей школе* (дополнение традиционных форм обучения, таких как лекционных курсов и семинарских занятий, более современными, а именно мастер-классами, учебными мастерскими, коллективными научными проектами и пр.).

Впервые за весь постсоветский период для такого сдвига появились объективные предпосылки – как материальные, так и интеллектуальные – причем не только в элитных московских ВУЗах, но и во многих региональных университетах. Определённым стимулом для перевода российско-американского сотрудничества в сфере высшего образования на новый уровень может оказаться ранжирование российских ВУЗов в зависимости от их потенциала и значимости для системы образования и формирования интеллектуального потенциала страны. Если результатом вводимой иерархии станет выделение около ста ключевых ВУЗов (20-25 на федеральном уровне и 75-80 – региональных), то именно на них падёт функция лидерства в развитии партнёрств с американскими университетами в профильных областях. Концентрация ресурсов позволит добиться того, что российские участники окажутся в равных

«весовых категориях» даже с самыми сильными зарубежными партнёрами, включая ведущие американские университеты²³.

Происходящие в настоящее время процессы модернизации системы российского высшего образования (новая концепция образовательных стандартов, построенных на компетентностной основе, введение кредитной системы и модульное построение образовательных программ, увеличение объёма элективных курсов и самостоятельной работы) создают благоприятный внешний фон для перехода к новому формату сотрудничества с США. Для успешного включения ведущих российских ВУЗов в глобальные университетские сети (многосторонние стратегические партнёрства) необходимо обеспечить активное участие государства. Совместные программы российских университетов с американскими (зарубежными) партнёрами призваны стать органической составной частью государственной образовательной политики.

---

²³ Нынешняя фрагментация системы высшего образования России, помимо других негативных последствий, существенно затрудняет и развитие международного сотрудничества: у многих российских университетов недостаточно научного и образовательного потенциала, чтобы поддерживать международные партнёрства без постоянного «допинга» в виде иностранных программ технической помощи.